

ЧТО ПРИВОДИТ ЗАЩИТУ ДЕТЕЙ К УСПЕХУ ИЛИ ПРОВАЛУ? КАК ИСТОРИЯ ОБУСЛОВЛИВАЕТ СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРАВ ДЕТЕЙ В ЧЕХИИ И РОССИИ

В.Р. Шмидт

Анализируется формация основных практик обеспечения прав детей в России и Чехии. Ретроспективное сравнение основывается на рассмотрении защиты детей как процесса разрешения дилеммы «безопасность ребенка vs. частная жизнь», расширения состава акторов политики защиты детства («детской политики»). Представлена история формирования концептов безопасности ребенка и автономии семьи в теории и практике социальной работы. История защиты детей в Чехии и России изучается с точки зрения сложившихся пробелов в обеспечении безопасности ребенка и уважения частной жизни. Ретроспектива формирования стратегий защиты детей исследуется как на уровне правовых регуляций, так и релевантных культурных практик. Описаны исторически обусловленные системные проблемы в развитии системы защиты детей в Чехии и России.

Ключевые слова: защита детей, безопасность ребенка, автономия семьи, право уважать частную и семейную жизнь

Современная защита детей как отражение истории

Желаемая политика защиты детей представляется последовательностью стадий вмешательства в семью: профилактика кризиса; кризисное вмешательство; посткризисная интервенция [Шмидт, 2009]. Проблема защиты детей и состоит в недостатке развития профилактической работы и пробелах преемственности между стадиями цикла. Реальная защита детей во многих странах по преимуществу представлена как жесткое вмешательство в дела семьи и доминирование устройства детей в институты [Henricson, 2008]. Такая тенденция обусловлена ретроспективой развития системы правовых регуляций и институций защиты детей: порядок

развития институтов защиты детей был обратным современному циклу вмешательства в дела семьи.

Исторически первыми сложились различные институты призрения детей без попечения родителей, которые постепенно переходили под финансовую и правовую «опеку» государства по мере развития системы образования для всех и возрастания потребности в общественном воспитании. Затем выделяется период формирования системы контроля над семьей ребенка, кризисной интервенции: лишение родительских прав, изъятие детей, ограничение свободы детей, совершивших правонарушение. И в этот период прежде существовавший «набор» институтов для детей пополняется новыми формами «закрытых» учреждений: для несовершеннолетних с асоциальным поведением, для детей с особыми потребностями. Развитие контроля за семьями происходит с одновременным усилением контроля и за детьми [Mehlbye, Walgrave, 1998]. Только в последние 30–40 лет в ряде стран складывается система предупреждения насилия в семье и трудностей в воспитании ребенка. Процесс становления профилактики сопровождается пересмотром как норм кризисной интервенции (в сторону большего разнообразия мер ограничения прав родителей), так и системы институций и служб посткризисной заботы о детях и семьях (в направлении развития форм временного устройства, способствующих последующему восстановлению кровной семьи) [Wildfire, Barth, Green, 2007].

И хотя логика развития защиты детей во многих странах одинакова, темпы формирования трехступенчатого цикла разнятся. Например, в Дании с 1993 года изъятие ребенка из семьи предполагает, что социальные службы представят план работы с ребенком и родителями на период отдельного проживания ребенка, а в случае несогласия родителей поместить ребенка в учреждение или замещающую семью родители обеспечиваются адвокатом [Child and family policy, 1995]. Великобритания с 1998 года развивает практику ограничения вмешательства служб в дела семьи и усиливает ответственность служб за чрезмерное вмешательство [Cull, Roche, 2001], тогда как в современной России с 1994 года порядок изъятия детей имеет административный характер, и службы не несут специальной ответственности в случае неправомерного изъятия ребенка [Шмидт, 2009]. Становление кризисной интервенции имеет ключевое значение для последующего развития системы защиты детей, обнаруживает конфликтную природу обеспечения прав ребенка.

Права ребенка: многообразие дискурсов как фактор развития защиты детей

Развитие системы защиты детей обусловлено сосуществованием различных траекторий развития представлений о правах ребенка. Можно выделить два основных направления формирования этих представлений:

право ребенка на безопасность (что определяет рассмотрение прав ребенка как прав индивида) [Reynaert, Bouverne-de-Bie, Vandeveld, 2009] и права ребенка в рамках прав его семьи – на автономию и уважение частной жизни [Lee, 2001]. Разрешение самых острых проблем современной защиты детей, таких как правомерность вмешательства в дела семьи, устройство ребенка после изъятия из кровной семьи и открытое усыновление основывается на конкуренции ценностей безопасности ребенка и автономии семьи.

Охрана безопасности ребенка имеет более давнюю историю, чем обеспечение автономии семьи. Центрация на ребенке как на ресурсе развития общества в конце XIX – начале XX веков определила формирование как стандартов обеспечения прав ребенка, так и норм, несоблюдение которых означает нарушение прав детей. Актуализация проблемы безопасности способствовало созданию в социуме мифа о сепарированном мире детей. Дети были объектом заботы и защиты, но не акторами обеспечения своих прав. Такой подход не вполне соответствовал принципам набирающих влияние международных организаций, которые придерживались либерального подхода к правам человека. ЮНИСЕФ, начинающий свою деятельность в 1946 году, инициирует постепенное движение *в защиту эмансипированного ребенка*, что обусловлено глобальными контекстами нарушения прав детей: войны, использование детей в криминальном бизнесе и детский труд [Nybohm, 2005].

С наделением права быть услышанным ребенок наделяется и набором обязанностей. Но может ли он справиться с этими обязанностями? Этот вопрос приводит к осознанию «теневых» сторон эмансипации детей и дискурса безопасности: увеличения контроля за детьми, росту нетерпимого отношения к различным типам детского поведения и маргинализации детей [Reynaert et al., 2009]. В качестве альтернативы эмансипации детей рассматривается эмансипация семьи.

Но не только осознание рисков эмансипации ребенка привело к развитию альтернативного дискурса прав ребенка, основанного на признании роли автономии семьи и частной жизни, критике традиционного подхода как ограничивающего жизнь ребенка «здесь и теперь» [Purdy, 1992]. Основная задача традиционного подхода состоит в стремлении наилучшим образом подготовить ребенка к выполнению будущей социальной задачи. Это превращает семью в «инкубатор» выращивания граждан, а детство – в период подготовки ко взрослой жизни. Беспрепятственное давление на родителей и ребенка минимизирует критическое мышление граждан и эмоциональную компоненту [Hengst, 2003].

Альтернативное понимание прав ребенка основывается на признании особой роли настоящего, а не будущего, а также эмоциональной связи между ребенком и родителями, разнообразия стилей родительства [Lee, 2001; Ostner, 2007]. Данный подход получил распространение и в практике, в первую очередь, в рамках новых программ усыновления детей с тяжелыми

формами инвалидности [Cousins, 2006]. Родительство в рамках данного подхода – не выполнение социального заказа, а совместная жизнь и сопереживание детей и родителей.

Государство обязано не только регулировать свое вмешательство в жизнь человека, в том числе, семейную, но обеспечивать реализацию права на автономию, – а семья становится оптимальной социальной средой осуществления этого права. Человек волен выбирать свой образ жизни, но распространяется ли этот принцип на детско-родительские отношения? Критерий ущерба здоровью и жизни ребенка в данном контексте теряет свою четкость, поскольку далеко не всегда действия родителя можно отнести только к категории вреда или только к категории пользы. Практика защиты детей нуждается в обоих подходах и даже в их конкуренции как на уровне источников обоснования правовой позиции, так и на уровне служб – для обеспечения индивидуализации работы с детьми и семьей.

Политика в отношении детей как решение конфликта между безопасностью ребенка и автономией семьи

Идеальная защита детей действует как инструмент разрешения конфликта основных ценностей «детской политики», безопасности ребенка и автономии семьи. Например, на этапе кризисной интервенции такая политика на правовом уровне предоставит родителям возможность представить свои интересы, а на институциональном будет оперировать разнообразием опций как устройства ребенка, так и ограничения прав родителей [Kronborg, Gjortler, 2005]. Трехступенчатый цикл защиты ребенка опирается на конкуренцию ценностей и соответствующее ей разнообразие практик.

Если признать баланс «безопасность ребенка – автономия семьи» желаемой целью современной защиты детей, то следует ли признать и возможность найти универсальный способ достижения этого баланса? Исторический сравнительный анализ убеждает в отрицательном ответе. Более того, можно предположить, что склонность к универсализации стратегий защиты детей согласуется с выбором в пользу одной из сторон баланса – а именно безопасности ребенка [Reynaert et. al., 2009]. И, наоборот, понимание защиты ребенка как процесса взвешивания разрешения конфликта между безопасностью ребенка и автономией семьи обусловлено пониманием специфики истории социальной политики.

От страны к стране варьируются способы достижения баланса безопасности ребенка и автономии семьи. Эти различия отражаются как в правовых регуляциях, так и складывающемся «ландшафте» служб. Решающим фактором в достижении баланса становится участие разных акторов: государства, общественных организаций, профессионалов, международных институций. Разные акторы привносят в политику охраны детства разные точки зрения на права ребенка, опосредуют конкуренцию

мнений. Например, сложившийся в 20-е годы XX века альянс социал-демократов и социальных педагогов в Дании успешно справлялся с задачей противостояния усилению либерально-консервативного подхода к социальной политике в периоды кризиса [Michel, Mahon, 2001]. Соответственно, в Великобритании ключевым актором, содействовавшим развитию практик обеспечения автономии семьи, стали юристы, которые занимались реализацией решений Европейского Суда по Правам Человека [Cull, Roche, 2001]. В США борьба против неоправданных изъятий и за сохранение кровных семей происходит при непосредственном участии общественных организаций родителей [Henricson, 2008].

История защиты детей может быть понята и как история растущего разнообразия акторов и подходов. Выявление пробелов как в участии акторов, так и в представленности подходов к правам ребенка определяет направление для оптимизации стратегий государства и общественных объединений. Вопрос о вкладе истории в современное состояние защиты детей можно уточнить следующим образом: «Как происходило формирование практик обеспечения безопасности ребенка и автономии семьи? Какие пробелы в формировании этих практик были обусловлены композицией акторов?».

Даже поверхностный взгляд на современное состояние защиты детей в странах пост-транзита убеждает в том, что в представлении о безопасности ребенка наблюдается доминирование идеи контроля над родителями, присутствуют пробелы стандартов обеспечения детства и многочисленные упущения в защите автономии семьи. Обращение к истории защиты детей направлено на проверку гипотезы о том, что эти страны не могут преодолеть колею – *path dependence*, проложенную прежним ходом формирования практик защиты детей. Эта колея отличается монополией идеи безопасности ребенка и доминированием роли государственных институций. Чехия среди стран Центральной Восточной Европы устойчиво занимает первое место по количеству детей, помещенных в систему общественного воспитания [Péče o děti odebírané z biologické rodiny, 2007]. Аналогично, Россия – «лидер» среди стран бывшего СССР по сохранению системы общественного воспитания [Menchini, Redmond, 2009]. Выбор Чехии и России обусловлен не только очевидным фактом провала реформ последних лет (что подтверждается растущим количеством детей в учреждениях), но и сходным профилем проблем институционального дизайна современной системы защиты прав детей [Шмидт, 2009]. Упрощенное понимание проблем детства обусловлено и общемировой тенденцией «деконтекстуализации детства» – применения концепта прав ребенка как универсального свода правил и требований. Сравнительный исторический анализ стран пост-транзита содействует ограничению этой рискованной тенденции.

Привычным стало маркировать проблемы защиты детей в этих странах наследием социализма, что приводит к некритичному восприятию

имевших место альтернатив и недопониманию того, какие задачи политики охраны детства остаются нерешенными. Сравнительный исторический анализ Чехии и России будет работать на доказательства того, что реформы должны осуществляться по-разному – и в зависимости от прошлого.

Чехия: история резонанса отрицательных тенденций

В большинстве стран Европы институционализация приютов для детей без попечения родителей происходила с конца XVII века до второй половины XIX века – в первую очередь из-за стремительной урбанизации, последствий военных конфликтов и минимизации роли семьи. Различия между развитыми странами на этом этапе обусловлены соотношением институционализации общественного воспитания с развитием образования [Michel, Mahon, 2002]. Например, в Великобритании эти тенденции были связаны между собой меньше, чем в Дании или Германии. Соответственно, британское призрение было в большей степени направлено на заботу и попечение, тогда как скандинавское и немецкое – на попытку интеграции детей. Эта тенденция имеет значение и для последующего этапа формирования практик контроля за семьями: в странах с попечительской природой общественного воспитания устанавливались более жесткие процедуры контроля за семьями, чем в странах с интегрирующей направленностью [Kronborg, Gjortler, 2005].

Чехия в процессе институционализации заботы о детях в период XVIII–XX веков перешла от попечительского общественного воспитания к интегрирующему. История институционализации заботы о детях Чехии сходна с большинством континентальных стран Европы: эти процессы начинаются в конце XVIII века, переход приютов и детских домов под патронат государства обусловлен реализацией идеи всеобщего начального образования (которая вводится в 1785 года специальным указом Марии-Терезии). В крупных городах создаются приюты, которые принимают до тысячи детей – о них быстро распространяется «недобрая» слава из-за высокой детской смертности [Matoušek, 1999]. Поэтому на протяжении XIX века складывается система небольших служб, например, таких как деревни SOS, семейные детские дома. Как и в других частях Австро-Венгрии на протяжении XIX века вводятся учреждения для детей с ограничениями развития? [Bláha, 1922], [Vocilka, 1999].

На Мораве, регионе с самым интенсивным на тот период индустриальным развитием, ремесленная мастерская, построенная в 1895 году для молодых правонарушителей, спустя шесть лет преобразуется в первый интернат, который принимает порядка 150 молодых людей и 50 девушек в возрасте до 16 лет [Hospodářský materiál KNV v Ostrava, 1999]. Правовая регуляция помещения подростков в эти учреждения (polepšovny) первоначально предполагала решение суда или направление со стороны законного

представителя подростка, а после 1918 года – рекомендацию местных служб охраны молодежи (*Okresní péče o mládež*).

После обретения независимости Первая республика использовала те правовые нормы и институты общественного воспитания, которые сложились во времена империи [Teichova, 1988]. Под патронатом государства находились исправительные учреждения для правонарушителей, остальные учреждения оставались в сфере благотворительности. Наибольшие преобразования коснулись системы учреждений для детей с различными типами инвалидности. Все учреждения были переданы на финансирование местных органов власти, что располагало искать различную помощь в развитии учреждений у местного населения. Интенсивная профессионализация специальной педагогики (в период с 1922 по 1933 год Чехословакия организует пять международных семинаров о воспитании ребенка с ограничениями развития) приводит к формированию комплекса услуг для детей с ограничениями развития [Titzl, 2000].

Институционализация заботы о детях сопровождается и развитием родственной опеки. Был принят закон об охране детей, находящихся в неродительской семье, и детей, рожденных вне брака (*Zákon ob ochraně dětí v cizí péči a dětí nemanželských*, 1921), который легализовал распространенную практику родственной опеки в Чехии. Проблема состояла в том, что родители передавали детей родственникам, и эта практика нуждалась в регуляции – для наделения опекунов большей ответственностью в вопросах образования и охраны здоровья детей, предоставления поддержки со стороны государства. Семья рассматривалась чешским законодательством того периода как безусловно лучшая среда для обеспечения безопасности. Общественное воспитание для детей без трудностей в развитии и поведении осуществлялось в детских домах семейного типа. В 1928 году принимается новый Закон об усыновлении, который определяет права усыновляемых детей и детализирует процесс поддержки усыновителей.

Вместе с тем государство проводило политику умеренной фамилиализации: женщины получили право на оплачиваемый отпуск по рождению ребенка, к концу 30-х годов каждый пятый ребенок в возрасте до 6 лет посещал детский сад, государственные служащие получали специальное «детское» пособие [De-Deken, 1995].

До прихода к власти коммунистов в 1948 году «детская политика» не переходила к формированию системы мер контроля за семьей. Как и другие страны Европы, Чехия после войны решает задачу индустриальной «мобилизации» женщин при умеренной фамилиализации охраны детства – для работающих женщин вводятся разного рода материальные пособия и особые виды страхования. И после коммунистического переворота в феврале 1948 года данное направление социальной политики сохраняется. Чехия справляется к концу 50-х годов с проблемой низкой рождаемости, а развивающаяся система «социалистической» фамилиализации (в 1956 году

женщины получают 18 недель полностью оплачиваемого отпуска по уходу за ребенком, а в 1964 году отпуск увеличивается, хотя и без сохранения заработной платы на период, больший, чем 18 недель) поддерживает позитивную динамику рождаемости. С конца 40-х годов возрастает доля детей, посещающих дошкольные учреждения, и к 70-м годам достигает 70 % от всего детского населения в возрасте до 6 лет [Saxonberg, 2003].

С приходом к власти коммунистов политика защиты детей начинает развиваться в направлении институционализации контроля за семьей, которая должна была соответствовать социалистической морали. Идеолог преобразования семейной политики Чепицка заявил, что «если супружество перестает быть частным делом двух людей, государство от самого начала должно участвовать в его развитии»¹ [Pernes, Lukáš, Pospíšil, 2008]. В 1949 году законодательством вводится понятие «власть родителей», которая определяется как совокупность прав и обязанностей воспитывать ребенка в интересах социалистического общества. В 1952 году в Закон о семье вводится поправка о том, что действия родителей оцениваются с точки зрения лучших интересов ребенка. В 1958 году изменяется регуляция усыновления, становится возможным вписывать в метрику ребенка имя усыновителя, а также усыновлять ребенка и без согласия биологических родителей. Диктатура безопасности достигает своей кульминации в начале 60-х годов. В 1963 году принимается новый Закон о семье. Раздел, в котором представлены нормы, регулирующие детско-родительские отношения, назывался «Роль общественности в исполнении прав и обязанностей родителей». Основанием для вмешательства становится «интерес общества», который состоит в предотвращении таких ситуаций, как «нарушения в воспитании, недостатки контроля со стороны родителя, которые приводят к изъятию в усвоении норм социалистической морали». Опекунство и попечительство были соединены в одну форму, и по преимуществу попечителем становился суд [Rodina a rodinné právo, 2005]. Семейные детские дома закрываются, начинает формироваться система служб по образцу СССР, ориентированных на оказание минимального набора услуг для детей.

С конца 40-х годов Чехия сталкивается с первой волной миграции ромского населения из Словакии, которая проводит политику изоляции поселений цыган. Первая официальная перепись в начале 50-х годов указала на 16 тыс. цыган, проживающих в Чехии и порядка 84 тыс. – в Словакии, однако с начала 60-х годов молодые мужчины и молодые семейные пары из Словакии перебираются в основном на Мораву в поисках работы и лучшей жизни. Официальной оценки миграции 50–60-х годов не было, однако эксперты утверждают, что порядка 1/3 словацких цыган перебрались

¹ Алексей Чепицка (А. Šepiřka) – одна из самых заметных и однозвучных фигур периода нормализации, министр внутренней торговли, а затем и министр юстиции, министр обороны, зять Готвальда.

на юг страны [Zajištění monitoringu sociálně vyloučených romských lokalit v České republice, 2006]. Общественное воспитание, которое так стремительно начинает развиваться в этот период, становится одним из элементов социалистического подхода к ассимиляции цыган. Дети изымаются из цыганских семей и помещаются в дома ребенка и детские дома. Эксперты указывают на то, что многие сегодняшние воспитанники – дети тех, чьи родители и родители родителей провели свое детство в таких же институтах [Romské děti, žijící mimo vlastní rodiny, 2007].

Можно предположить, что и обеспечение льготами работающих родителей препятствовал решению «цыганского вопроса» – поскольку многие цыгане официально не работали, они были выключены из системы социальной поддержки семей с детьми. Выработанные в 40–50 годы механизмы контроля за семьями и разрешения вопроса о компенсации недостаточной заботы о ребенке применялись не только к цыганским семьям. Однако практически с самого начала этот подход ассоциировался с «цыганским вопросом», который для чешской общественности остается неразрешимой проблемой.

Исследования, которые проводились психологами в Чехословакии с середины 50-х годов, были направлены на подтверждение губительной роли общественного воспитания для ребенка. В 1957 году выходит монография, посвященная различиям в развитии детей первого года жизни, проживающих в семье и в учреждениях (M. Damborská Rozdíly mezi dětmi vychovávanými v rodině, v jeslích a ústavu během jednoho roku). В 1961 году в Брно были представлены результаты исследования трех психологов (O. Kolaříková, O. Konečná, M. Schurer) – о необратимых последствиях воспитания в учреждениях для психического развития детей. В 1963 году Лангеймер и Матейчик публикуют монографию «Психическая депривация в детстве» – эта книга была переведена на множество языков, а исследование, проведенное авторами, в той или иной форме было повторено в Польше, Венгрии и СССР. Выводы, сделанные авторами, подтверждают тезис: «Лучше плохая семья, чем наилучшее учреждение». Это утверждение вряд ли могло стать основой реформирования системы – ведь уже к 70-м годам «детская политика» оказалась стратифицирована: «хорошие» семьи (работающие родители, выполняющие социальные предписания) имели доступ к достаточно широкому кругу видов помощи семье, тогда как «неблагонадежные» семье (а неработающими были не только цыгане, но и многие из тех, кто был не согласен с социалистическим режимом, – ограничение возможности работать было основным инструментом наказания несогласных в советской Чехословакии) были лишены доступа к системе помощи и оказывались «под колпаком» служб системы кризисной интервенции. В такой системе не было места для разнообразия форм устройства детей вне семьи. Психологи содействовали введению системы диагностических центров – учреждений, которые были нацелены на

оценку состояния ребенка и планирования дальнейшего институционального устройства ребенка. Введение системы диагностических центров стало логическим продолжением развития кризисной интервенции как закрытой и монополизированной практики.

Модель общественного воспитания, в рамках которой диагностические центры принимают решения о том, в какой тип учреждения помещать ребенка, сложилась с начала 70-х годов прошлого века (после принятия первой Единой концепции развития системы общественного воспитания, в 1971 году). В 1978 году эта система была закреплена в законодательстве – в Законе об образовательных учреждениях. А в 1981 году было издано специальное распоряжение № 64 об осуществлении общественного и охраняющего воспитания, утверждающее монополию центров на принятие решений. Законы, принятые после 1989 года, не изменили статуса диагностических центров.

Большинство диагностических центров изначально было сосредоточено на трех категориях клиентов: детях с инвалидностью; детях в конфликте с законом, а также тех, чье поведение оценивается как асоциальное; детям из семей группы риска с опытом травмы и насилия [Dvořák, 2002]. Такое разнообразие целевых групп располагает ряд экспертов сделать вывод о риске помещения ребенка в диагностический центр – дети без особых проблем развития оказываются в компании с детьми, имеющими криминальный опыт, употребляющими наркотики. Качество деятельности диагностических центров составляет предмет дискуссии. В начале 2000 года был проведен гражданский контроль за их деятельностью – порядка 1/3 центров были обследованы независимой комиссией. Описание условий жизни детей в диагностическом центре, сделанное Ладиславом Замбойем (Ladislav Zamboj), объясняет, почему положением детей в диагностических центрах стали заниматься представители отделения против пыток Совета по вопросам прав человека: «Двухместные комнаты не больше 7–8 квадратных метров, в них две маленьких железных кровати и больше ничего. Окна закрыты извне решетками, открыть окна можно только по разрешению сотрудников. В больших по площади комнатах содержится и больше детей. Чтобы пойти в туалет, воспитанники должны обратиться к воспитательнице – и если в силу ее занятости они не могут до нее достучаться, то детям случается справлять нужду прямо на пол своих комнат» [Péče o děti odebírané z biologické rodiny, 2007]. Истории побегов детей из диагностических центров стали предметом общественного обсуждения [Gabriel, 2008]. Результаты общественного контроля диагностических центров в начале 2000-х годов привели к публичной дискуссии о развитии этой формы устройства детей. В фокус попала и тема профессионализма сотрудников учреждений, критериев оценки их труда.

Эти учреждения сосредоточены на оценке возможностей ребенка – и не обращаются к работе с семьей ребенка. Вместе с тем такой фокус

оправдан самой последовательностью процедур – если суд принял решение о неприемлемости возврата ребенка в семью в обозримом будущем, то и сотрудники диагностического центра будут решать задачу подбора учреждения. Состояние развития и поведение ребенка – основные критерии для выбора учреждения [Dvořák, 2002].

Единообразие общественного воспитания, которое сложилось в период социализма, преодолевается с большим трудом. Отличительная особенность современной системы замещающей заботы Чехии – условность границ между разными формами устройства ребенка. Например, существует несколько вариантов усыновления ребенка – с отменой родительской ответственности кровных родителей, с сохранением такой ответственности (и возможности возврата ребенка в кровную семью). Существуют детские дома семейного типа, в которых проживает небольшое число детей, а в качестве воспитателей работает семейная пара. Патронат разделен на несколько форм, одни из которых больше попадают в категорию институциональной заботы, а другие – семейной¹. Кроме того, многие эксперты определяют патронат как квази-усыновление – когда патронатные родители рассматривают свое родительство как усыновление, и берут ребенка на патронат, а не усыновляют его вследствие материальных трудностей и лучших условий сопровождения в рамках патроната [Rodina a rodinné právo, 2007]. Учреждения институциональной заботы для взрослых также имеют право открывать группы для несовершеннолетних. Всего в Чехии находится порядка 70 учреждений данного типа, и в более чем половине открыты такие группы.

Попытка использовать патронат в целях временного устройства детей, для которых сохраняется шанс на возвращение в кровную семью, не удалась. Служба краткосрочного патроната Клоканек была создана при Фонде защиты детей в опасности (Fond ohrožených dětí). За пять лет с начала активной деятельности службы (2000 год), в центры было помещено порядка 1 300 детей. Однако по преимуществу Центр выполняет функцию превентивной заботы – 80 % детей, помещенных в Клоканек, находились там по решению служб социально-правовой охраны детей и согласованию с родителями. Значительная часть этих детей была возвращена кровным родителям. Только 20 % детей было отправлено в Клоканек по решению

¹ Многоролевая природа чешской *foster care* была заложена еще в период Первой республики (1918–1939 годы). Государственная *foster care* (státní pěstounská péče), которая находилась под контролем местных органов заботы о молодежи и состояла в том, что ребенок мог быть помещен на время в учреждение. Существовала комплексная *foster care* в так называемых детских колониях – когда на определенной территории собиралась группа семей, нуждавшаяся в поддержке со стороны власти и специалистов. И самым распространенным вариантом была *foster care*, основанная на передаче ребенка кровными родителями своим родственникам. Именно эта форма получила специальное законодательное оформление в первые годы деятельности Первой республики.

суда на период рассмотрения вопроса о дальнейшем размещении ребенка, и более половины этих детей были отправлены в диагностический центр, что запускает традиционную схему принятия решения [Michalová, 2008].

Двадцать лет независимости сопровождались разнообразными экспериментами в сфере защиты детей – число акторов политики существенно увеличилось, единого представления о том, как реформировать защиту детей, не сложилось. Министерство образования, «держатель» самого большого количества учреждений общественного воспитания, продвигает идею объединения системы всех институций для детей вне семьи в рамках одного ведомства [Konsepce včasné péče o děti, 2008], тогда как Министерство по социальным вопросам отстаивает идею четкого разделения форм устройства детей, оптимизации процедур усыновления и профессионализации патроната [Národní koncepce podpory rodin s dětmi, 2007]. Общественные движения также рассогласованы. Европейский центр защиты прав цыган инициировал две стратегические тяжбы против Чехии, одна из которых была направлена на минимизацию практики помещения детей в специальные школы (D.H. and Others v. Czech Republic), а другая – на недопустимость изъятия детей по факту недостатка материальных ресурсов родителей для обеспечения потребностей семьи (Wallov and Walla v. Czech Republic). Оба случая инициировали ряд действий в сфере защиты прав детей, более того решения ЕСПЧ были приняты в период, когда и государственная политика была сосредоточена на поиске альтернатив общественному воспитанию, однако Центр пока так и не смог скооперироваться ни с одним внутренним чешским актором для оптимизации ситуации обеспечения прав детей и родителей среди цыган.

Россия: магистральный тупик защиты детей

Существуют различные мнения относительно дореволюционного периода развития общественного воспитания. Часть исследователей полагает, что российская политика отличалась традицией благотворительности и разнообразием форм устройства детей. Действительно, и до 1917 года государство пыталось справиться с растущим количеством беспризорных детей. Первые законы, которые можно отнести к попытке институционализации «детской политики», касались борьбы с бездомными детьми (Закон об исправительных приютах для несовершеннолетних 1866 года). Однако этих учреждений было создано так мало, что данный период трудно определить как инициацию политики детства. Одно из вероятных объяснений провала дореволюционной институционализации защиты детей дает в своем историческом исследовании Е.П. Белоножко, указывая на резонанс чрезмерной ригидности церковной благотворительности того времени и усиления элементов полицейского управления в российском государстве. По мнению Белоножко, в такой системе не было места ни общественной ак-

тивности, ни секуляризации социальной помощи (а значит, и созданию разнообразия моделей благотворительности) [Белоножко, 2001] .

Точкой отсчета появления политики охраны детства в России можно считать первые декреты о борьбе с беспризорностью и последовательное воплощение задач, определивших издание данных декретов. Если многие западные страны открыли историю охраны прав детей дискурсом «главное – здоровье и благополучие ребенка», Россия начала выстраивать политику с дискурса «дети как жертва взрослых и потенциальная опасность для социума». После революции проблема беспризорности усиливается в силу вовлечения несовершеннолетних в контрреволюционную и криминальную деятельность. В период с 1917 до 1922 года количество несовершеннолетних, помещенных в учреждения общественного воспитания, возрастает от 30 тысяч до 540 тысяч [Ржевский, 1926]. Направленная борьба с беспризорностью сопровождается не только открытием колоний и коммун, но и репрессиями в отношении беспризорников. И хотя затем количество детей в учреждениях снижается, это связано со снижением рождаемости в период начала 30-х годов.

За пять лет с 1918 года количество учреждений общественного воспитания вырастает в несколько раз, как и количество несовершеннолетних, помещенных в эти учреждения, утверждается перечень ситуаций, при которых взрослый может быть привлечен к ответственности за неподобающее обращение с несовершеннолетним.

Устройство ребенка в детский дом превратилось в универсальный способ реагирования на смену проблем, которые обуславливали развитие политики. Изначально устройство в коммуны, колонии и детские дома было предпочтительней по двум причинам: массовость беспризорности и нивелирование роли семьи. Однако уже в середине 20-х годов XX века устройство ребенка в учреждение стало означать освобождение матери от обязанности заботиться о нем – детские сады стали функционировать по принципу детского дома, позволяя оставлять ребенка на «пятидневку» (с 1934 года)¹. Такое функционирование детских садов сохраняется вплоть до конца 70-х годов. Постановление 1944 года облегчило матери возможность как устройства ребенка в детский дом, так и его возврата в семью – было достаточно написать мотивированное заявление.

Вместе с тем другие формы устройства ребенка развивались более драматично. Например, в период с 1917 года по 1926 год усыновление и опека не были формами устройства, которые бы регулировались законом. Одни исследователи объясняют исключение этих форм тенденцией минимизировать роль семьи [Bernstein, 2001b], другие более прозаично –

¹ В 1959 году вводится система детских садов-яслей, позволяющих отдавать детей на воспитание от двух месяцев. Но и до этого матери имели возможность устраивать ребенка в учреждение в достаточно раннем возрасте.

стремлением минимизировать риск эксплуатации детей приемными родителями [Madison, 1988]. Но уже второй советский семейный кодекс (1926 года) возвращает этим формам законные основания, более того, начинает распространяться патронирование – в ряде регионов дети устраиваются в семьи, в отношении которых государство проводит политику поощрения [Bernstein, 2001a]. В Москве, Самаре и ряде других регионов патронирование занимает место равноправной альтернативы коммунам. Но ряд громких разоблачений недобросовестных родителей и общее намерение власти универсализировать сферу заботы о детях привели к тому, что к середине 30-х годов патронирование сошло на нет.

Усыновление приобретает огромные масштабы в годы Великой Отечественной войны как в связи с преобразованием норм права, облегчивших процесс усыновления, так и сложившейся ситуации. За период с 1942 года по 1945 год было усыновлено порядка 200 тыс. детей. Упрощенность процедуры усыновления в совокупности с тоталитарным подходом к вопросам правосудия в ряде случаев привели к тому, что нарушалось приоритетное право воспитания ребенка в кровной семье – когда детский дом отдавал на усыновление ребенка, не получив подтверждения о местонахождении родителей. Верховный суд принял несколько решений об усложнении процедур усыновления после нескольких случаев обращения кровных родителей, не сумевших вернуть детей в рамках судебной процедуры [Bernstein, 2001a].

До середины 60-х годов общественное воспитание оставалось единственным ответом на самые разные вызовы семейной политики. Политика носила выраженный дефамилизированный характер – государство обеспечивало минимум льгот матери (существенные льготы предоставлялись женщинам, имеющим пять и более детей – основная же часть женского населения не имела доступа к этим льготам) при максимальной доступности общественного воспитания.

Практика компромисса между семейным и общественным воспитанием, типичная для первых пяти десятилетий советской социальной политики, стала одним из источников формирования дискурса «ребенок должен быть удобным» – не требующим много времени, рано взрослеющим, подчиняющимся правилам. Удобный ребенок оказался тесно связан еще с одним исторически обусловленным и типичным для России дискурсом детства «угроза ребенку – ребенок как угроза»: удобный ребенок не составляет угрозы экономическому развитию, позволяет матери работать и сам как можно скорее вливается в ряды рабочей силы [Ромашова, 2008]. Возможно, именно поэтому советское законодательство длительное время поддерживало эмансипацию несовершеннолетних в ситуации их устройства на работу.

Этот дискурс обусловил развитие и традиций семейного воспитания, и культуры для детей, и педагогической психологии. Представляется, что

ни в одной стране психологи не разрабатывали проблему детской произвольности и волевой регуляции поведения так неистово, как в СССР [Смирнова, 1990]. Тема воли становится одной из ведущих и в журналах для женщин [Ромашова, 2008]. Советская психология детства активно оперировала периодизациями – потому что предсказуемость развития ребенка и нормы, выработанные исследователями, также входили в набор «удобности ребенка» [Шмидт, 1999]. Дискурс «удобности» сформировал и определенные метакогнитивные подходы – когда со сложившимися подходами к пониманию произвольности и волевой регуляции психологи стали подходить к измерению эмоций и привязанности – как феноменов, которые подлежат такому же нормативному подходу, как и регуляция поведения.

Этот дискурс сформировал предписания ребенку, связанные с ограничением непосредственного эмоционального выражения. Если вспомнить советскую детскую литературу 30–50-х годов, то в ней найдется множество положительных персонажей – холодно-рассудительных тимуров и отрицательных, переполненных эмоциями квакиных. Одной из редких возможностей снять «живой» фильм про живых людей был жанр фильма-перевоспитания, в котором симпатичный, но бесхарактерный герой становился волевым и принципиальным («Первоклассница», «Алеша Птицын вырабатывает характер»). Дискурс «удобный ребенок» мог получить распространение только в условиях отчужденности политики охраны детства от семейной политики в СССР до конца 70-х годов. Образ семьи в массовой культуре по преимуществу был увязан с образом работающей матери. Часто отец был виртуальным – как, например, в повести Гайдара «Чук и Гек», фильме «Офицеры» (в котором два поколения мужчин становятся «невидимыми» папами).

В 70-е годы зарождается гуманистическая альтернатива традиционному для СССР «удобному» дискурсу. Несомненно, предтечей развития отечественной гуманистической детской литературы и кинематографа становятся перевод и экранизация зарубежных детских книг. Популяризация иностранной литературы для детей с конца 50-х и вплоть до конца 80-х годов представляет новое отношение к семье и детско-родительским отношениям, отличное от традиционного советского образца. Отношения персонажей отличались удивительной терпимостью к индивидуальным проявлениям, образцы взаимодействия вписывались в каноны недирективной педагогики, а мир детей описывался как самоценный и значимый «здесь и сейчас» [Новицкая, 2008]. История о Винни-Пухе становится одним из первых изданий издательства «Детская литература» и публикуется тиражом в 215 тысяч. Первая книга знаменитой финской писательницы Туве Янссон о муми-троллях вышла в СССР в 1967 году, а последующие – в первой половине 70-х годов. Книги шведской писательницы Астрид Линдгрен публикуются с начала 60-х годов. Популяризация зарубежной детской литературы происходит и благодаря созданию мультфильмов по

мотивам книг, которые транслируют гуманистический подход на еще более широкую аудиторию.

Появляется несколько режиссеров, в первую очередь Илья Фрэз¹, Динара Асанова и Ролан Быков, которые снимают кино о детях разного возраста как самостоятельных и ценных самих по себе. «Осторожно, Черепашка», «Чудак из 5 “б”», «Розыгрыш», «Школьный вальс», «Ключ без права передачи», «Карантин» – все эти фильмы представили новые паттерны отношений между ребенком и взрослыми, потребовали от учителей и родителей понимания и принятия детей.

В детской психологии получает распространение изучение детской одаренности, в том числе, и как проявление невозможности выработать идеальную периодизацию развития. Лидия Божович и ее ученики разрабатывают тему эмпатии и ее формирования у детей [Божович, 1995]. Начинают складываться практики иного устройства детей – детские дома семейного типа и патронат. Причем детские дома семейного типа развиваются при непосредственном патронате детского писателя Альберта Лиханова, который сочетает общественную деятельность с продвижением идеи семейного устройства в своих художественных произведениях.

Условия авторитарного государства и переориентация государственной политики на фамилиализацию в конце 60-х ограничили развитие этих альтернатив. Смена вектора государственной политики защиты детей в СССР выразилась в том, что государство перестало нуждаться в большем количестве работающих женщин, зато стало нуждаться в увеличении детского населения и сокращении расходов на систему помощи детям. Кроме того, процесс урбанизации населения, приходящийся на 60–80 годы прошлого века, вел к росту подросткового криминального поведения. В конце 60-х годов рядом инициатив по изменению системы служб для подростков в конфликте с законом: вводятся специальные школы для детей, совершивших правонарушение в возрасте до 14 лет, формируется служба – комиссия по делам несовершеннолетних (детская комната милиции) при местных управлениях внутренних дел, изменяются нормы уголовно-процессуального кодекса относительно мер пресечения для подростков.

Со второй половины 70-х годов государство предоставляет значительные льготы рожаящим женщинам и семьям с детьми – 100 % оплата отпуска по беременности и родам независимо от трудового стажа; ежемесячные пособия на детей в малообеспеченных семьях; увеличены размеры единовременных пособий при рождении детей, а также пособий на детей-

¹ Интересно то, что Илья Фрэз снимал детское кино и в период репрессий, в качестве компромисса между своей художественной позицией и требованиями цензуры режиссер использовал жанр приключенческого фильма (серия фильмов про Васюка Трубачева) и сказки («Слон и веревочка»). Однако с ослаблением политического давления Фрэз снимает фильмы, которые могут быть отнесены к гуманистическим по направленности («Это мы не проходили», «Я купил папу», «Вам и не снилось»).

инвалидов. Введен частично оплачиваемый отпуск по уходу за ребенком до года и дополнительный отпуск без сохранения заработной платы по уходу за ребенком до полутора лет. Эти меры приводят к увеличению рождаемости и вместе с тем к кризису сферы обслуживания потребностей детей, охраны здоровья детей, дошкольного и школьного образования. К середине 80-х годов ни система детских поликлиник, ни детские сады оказались не способны предоставить минимальный набор услуг для детей [Захарова, 1991]. «Спрос» на более активное участие родителей в воспитании детей был связан и с тем, что семейное воспитание могло хотя бы частично компенсировать недостатки организации системы обеспечения детей – на совершенствование которой у советского государства в последние годы существования просто не было средств. В середине 80-х годов принимаются программы содействия семьям, начинает планироваться новая политика контроля – впервые в государственной политике оформляется дискурс ответственности родителей за ребенка и качество его воспитания [Madison, 1988].

Именно в этот период в системе общественного воспитания складывается система «все сервисы под одной крышей», когда в детских домах и интернатах вводились должности помогающих специалистов, медиков, педагогов дополнительного образования. Постановлением ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 3 июля 1987 году «О мерах по коренному улучшению воспитания, обучения и материального обеспечения детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей» вводит требование полного укомплектования этих учреждений квалифицированными врачебными кадрами и средним медперсоналом. Предполагалось, что уж если количество таких учреждений будет сокращаться, их следует обеспечить всем – поскольку вне системы общественного воспитания таких служб и специалистов не было. Но многие учреждения, имея ставки специалистов, не могли их заполнить в силу дефицита кадров и расположению многих учреждений в удалении от крупных населенных пунктов.

Россия в 90-е годы не могла руководствоваться в сфере семейной политики иными целями, чем СССР в конце 80-х годов, – снижение рождаемости после недолгого роста становилось все более актуальной проблемой, рынок труда сокращался и не требовал интенсивного вовлечения женщин. В период с начала 90-х годов защита детей развивается в двух направлениях, первое представлено многочисленными инициативами по развитию новых служб и типов устройства детей, в том числе, и под влиянием и при поддержке зарубежных организаций, а второе состоит в планомерном развитии практик кризисной интервенции. Те, кто активно участвуют в создании альтернатив помещению ребенка в учреждение, практически не уделяли внимания самим механизмам принятия решения и сложившимся практикам кризисной интервенции. Можно искать различные объяснения этой тенденции, но думается, что основным становится

недостаток критического осмысления сложившихся способов кризисной интервенции как нарушающих право на частную жизнь.

С 1994 году изъятие ребенка осуществляется в административном порядке – статья 77 СК определяет достаточность мнения специалистов опеки и уведомления ими прокуратуры о факте изъятия ребенка. И хотя основанием для изъятия становится угроза благополучию ребенка, толкование такого основания остается на усмотрение органов опеки и попечительства. К середине «нулевых» практика изъятий приобрела все черты произвола. В течение последних лет предпринимались попытки вернуть судебный порядок изъятия ребенка из семьи. Так, в 2007 году в ГД был предложен проект закона о решении суда для изъятия ребенка из семьи [Михеева, 2005]. Однако московские законодатели вместе с уполномоченным по правам ребенка А. Голованем выступили с резкой критикой этого предложения, указав на то, что закон увеличит количество пострадавших от насилия детей. Вместо введения судебного порядка была предложена новая версия статьи 77, в которой бы Органы опеки наделялись еще большими полномочиями при принятии решений. Громкие дела против кровных и приемных родителей в 2007–2010 годах формируют определенную общественную позицию в отношении недобросовестного родительства. В 2009 году поступает ряд предложений об усилении меры уголовной ответственности в случае преступлений против детей – в первую очередь законодатели имеют в виду родителей.

2010 год был отмечен в России всплеском активности самых разных групп против изъятия детей из семей. Идеологическую основу этого движения составила околоцерковная общественность, которая противопоставила нарастающей практике чрезмерного контроля служб идеологию воцерковления семьи как средства профилактики неправильного родительства. Трудно отнести данное движение к проявлению борьбы за лучшее обеспечение автономии семьи – поскольку его идеологи не отстаивают право родителей обустроить жизнь семьи по собственному разумению, а оспаривают право государства иметь монополию на принятие таких решений. Специалисты, выступающие против изъятий, не основывались на альтернативном дискурсе. Они рассматривали привязанность как фактор лучшей социализации детей – в духе концепций социального контроля, а введение судебного порядка оценивалось ими негативно – в силу возрастания риска несвоевременных изъятий [Капилина, 2010].

Выводы

На этапе первичной институционализации Чехия и Россия существенно отличались ходом формирования системы защиты детей. Если Чехия сформировала широкий спектр институций, рассчитанный на устройство детей и подростков с разными проблемами, то Россия опиралась на ис-

пользование общественного воспитания как универсального типа служб. В Чехии развивается система местных органов управления делами семьи, детства и молодежи, тогда как в России происходит централизация заботы о детях. В Чехии формирование общественного воспитания сопровождалось в 30-е годы умеренной фамилиализацией и поддержкой такой формы, как родственная опека, тогда как в России – дефамилиализацией социальной политики. Однако последующий этап развития служб, формирование практик кризисной интервенции, свел эти различия к минимуму – жесткая система вторжения в жизнь семьи, непрозрачные процедуры принятия решения, пробелы ответственности служб преобразовали систему общественного воспитания в инструмент сегрегации детей из «неправильных» семей.

В обеих странах обнаруживается «колея»: изъяны в правовых регуляциях формируют практики произвола, препятствующие развитию альтернативных форм устройства, тем самым лица, принимающие решения, полагают помещение в учреждение и ограничение родительских прав без альтернативным выходом. Эта «колея» закрепляется в системе защиты детей в силу отсутствия как согласованного действия различных акторов, так и недостатка последовательной реализации альтернативного традиционному дискурса прав ребенка, основанного на признании автономии семьи и ценности частной жизни. Государство – не единственный актор политики охраны детства, однако по разным причинам эти акторы не достигают ни эффекта коллективного действия (а в некоторых ситуациях, скорее, конкурируют), ни развернутого представления альтернативной позиции по проблеме прав ребенка. Частная жизнь остается на обочине государственного и общественного интереса в России, присутствуют и радикальные предложения, цель которых – минимизировать возможности реализации права на частную жизнь родителей. Ситуацию в современной Чехии можно охарактеризовать как переломный момент, когда выбор может произойти как в направлении ограничения права на автономию, так и его развития.

Формирование недостающих служб и лоббирование упущенных правовых регуляций предполагает, что в обеих странах появятся инициативные группы, понимающие значимость дилеммы «безопасность vs. частная жизнь» и принимающие во внимание исторические перипетии.

Список литературы

- Белоножко Е. П.* Исторический опыт осуществления общественной помощи нуждающимся органами местного самоуправления России в 1864–1917 гг.: Дис. ... д-ра ист. наук, 07.00.02. М., 2001.
- Божович Л. И.* Проблемы формирования личности / Под ред. Д. И. Фельдштейна. М.: Воронеж: МОДЭК, 1995.

Захарова О. Д. Демографическая ситуация в СССР в 80-е годы // Социологические исследования. 1991. № 4. С. 43–52.

Капилина М. Социальные сироты: привязанность к родителям, часть 1 // <http://www.miloserdie.ru/index.php?ss=1&s=7&id=11770>.

Михеева Л. Ю. Ответственность родителей за воспитание ребенка: направления реформы законодательства // Семейное и жилищное право. 2005. № 4. С. 16–24.

Новицкая И. Я. Шведская литературная критика и журналистика о становлении детской и юношеской литературы Швеции: Дис. ... канд. филол. наук. МГУ, 2008.

Ржевский Г. Беспризорность и наши задачи // Вопросы просвещения. 1926. № 3. С. 1–4.

Ромашова М. В. Журнал «Работница» как источник по истории советского детства (1941–1945) // Источниковедческие исследования / Отв. ред. А. О. Чубарьян; Сост. Т. В. Гимон. М.: ИВИ РАН, 2008. Вып. 4. С. 154–171.

Смирнова Е. О. Развитие воли и произвольности в раннем онтогенезе // Вопросы психологии. 1990. № 3. С. 49–56.

Шмидт В. Р. Согласованная политика охраны детства: благое пожелание или достижимая цель (российский и чешский опыт) // Журнал исследований социальной политики. 2009. № 2. С. 151–174.

Шмидт В. Р. Диагностика индивидуальных вариантов соотношения умственного и эмоционального развития учащихся I–II классов // Психологическая наука и образование. 1999. № 1. С. 45–64.

Bernstein L. Fostering the Next Generation of Socialists: Patronirovanie in the Fledgling Soviet State // Journal of Family History. 2001. Vol. 26. № 1. P. 66–73.

Bernstein L. Communist Custodial Contests: Adoption Rulings in the USSR after the Second World War // Journal of Social History. 2001. Vol. 34. № 4. P. 843–861.

Bláha P. L. Naše charita, Rodinná katolícká čítanka. Nový Jičín: Edici Obrození, 1922. S. 5–9.

Cousins J. Every child is special – placing disabled children for permanence, British association of adoption and fostering. L.: Palgrave, 2006.

Child and family policy. Social policy in Denmark. Ministry of Social affairs February. Copenhagen: Danish National Institute for Social Research, 1995.

Cull L.-A., Roche J. (Eds). The law and social work. Contemporary issues for Practice. L.: Palgrave, 2001.

De-Deken J. J. The Politics of Solidarity and the Structuration of Social Policy Regimes in Postwar Europe. The development of old-age pensions and housing, policies in Belgium, Czechoslovakia, and Sweden (1939–1989). Doctoral dissertation. San Domenico di Fiesole, European University Institute. 1995.

Dvořák J. Systém náhradní výchovy. Praha: Třídá, 2007.

Hengst H. Childhood studies and differential contemporariness. Paper presented at the 6th conference of the European sociological association. Murcia. Spain, 2003.

Henricson C. Governing parenting: is there a case for a policy review and statement of parenting rights and responsibilities? // Journal of law and society. 2008. Vol. 35. № 1. March. P. 150–165.

- Gabriel Z.* Psychologické poradenství v náhradní rodinné péči. Praha: Grada, 2008.
- Guo J., Gilbert N.* Welfare state regimes and family policy: a longitudinal analysis // International Journal of Social Welfare. 2007. № 16. P. 307–313.
- Koncepce* včasné péče o děti ze sociálně znevýhodňujícího prostředí. Praha: Vydání Ministerstva školství, mládeže a tělovýchovy, 2008.
- Kronborg A., Gjortler P.* Comparative study on enforcement procedures of family rights. Copenhagen: T.M.C. Asser Instituut, 2005.
- Lee N.* Childhood and society. Buckingham: Open university Press, 2001.
- Michalová A.* Vznik pěstounské rodiny v praxi // Pravo a rodinna. 2008. № 1. S. 22–26.
- Madison B. D.* Social Welfare in the Soviet Union. Stanford: Stanford University Press, 1988.
- Matoušek O.* Ústavní péče. Praha: Slon, 1999
- Mehlbye J., Walgrave L.* (Eds). Confronting Youth in Europe: Juvenile Crime and Juvenile Justice. Copenhagen: AKF Forlaget, 1998.
- Menchini L., Redmond G.* Poverty and deprivation among children in Eastern Europe and Central Asia // International Journal of Social Welfare. 2009. № 18. P. 225–236.
- Michel S., Mahon R.* (Eds). Child care policy at the crossroads: gender and welfare state restructuring. L.: Routledge, 2002.
- Národní koncepce podpory rodin s dětmi.* Praha: Vydání ministerstva práce a sociálních věcí, 2007.
- Nybohm J.* Visibility and ‘child view’ in the assessment process of social work: cross-national comparisons // International Journal of Social Welfare 2005. Vol. 14. № 4. P. 315–325.
- Péče o děti odebírané z biologické rodiny.* Systémové doporučení Ligy lidských práv. Praha: Ministerství sociální věci, 2007.
- Ostner I.* Whose children? Families and children in “activating” welfare states // Childhood, Generational order and the welfare state: Exploring children’s social and economic welfare. Odense: University Press of Southern Denmark, 2007. P. 45–58.
- Pernes Jiří, Lukáš Antonín, Pospíšil Jaroslav Alexej Čepička – Šedá eminence rudého režimu.* Praha: Brána, 2008.
- Purdy L. M.* In Their Best Interest?: The Case against Equal Rights for Children. Qestia, USA, 1992.
- Reynaert D., Bouverne-de-Bie M., Vandeveldel S. A.* Review of Children’s Rights Literature Since the Adoption of the United Nations Convention on the Rights of the Child // Childhood. 2009. Vol. 16. № 4. P. 518–534.
- Rodina a rodinné právo: historie, současnost a perspektivy.* Praha: Eurolex Bohemia, 2005.
- Romské děti, žijící mimo vlastní rodiny.* Praha: Toras, 2007.
- Saxonberg S.* The Czech republic before the new millennium: politics, parties and gender. N. Y.: Columbia University Press, 2003.
- Shmidt V.* Jak rozvoj pěstounské péče souvisí s systémem sociálně právní ochrany dětí? Pozice odborníků a právní regulace v České republice ve sborníku Sborník příspěvků II. Konference Dítě v systému náhradní péče // <http://www.pestouni.cz/>

pestouni/clanky/cz/29/sbornik-prispevku-ii-konference-dite-v-systemu-nahradni-pece/.

Teichova A. The Czechoslovak economy, 1918–1980. L.: N. Y.: Routledge, 1988.

Titzl B. Tradice, kořeny a vznik české speciální pedagogiky // Speciální pedagogika. 2000. № 2. S. 92–100.

Vocilka M. Dětské domovy v České republice. Praha: Aula ve spolupráci s MŠMT ČR, 1999.

Wildfire J., Barth R., Green R. Predictors of reunification in Child protection: Using research to improve policy and practice. Washington, DC, USA: Brooking Institution Press, 2007. P. 155–171.

Zajištění monitoringu sociálně vyloučených romských lokalit v České republice vzhledem k probíhajícím nebo potencionálním migračním trendům ze Slovenska v období po vstupu do Evropské unie a podání souhrnné zprávy o stavu těchto lokalit zohledňující dosavadní integrační praxe (březen – srpen 2005). Prague: International organisation for migration, 2006.

Виктория Рудольфовна Шмидт
канд. психол. наук, докторант университета Масарика, Брно, Чехия
электронная почта: schmidtvcia@yahoo.com
